

СЕРИЯ «ЧТЕНИЯ ДЮАРИСТОВ»

«Чтения Дюаристов» — новая серия книг. Это произведения современных авторов, адресованные всем, кто ценит неординарность мышления, юмор, иронию, и особенно тем, кому близки философия и взгляд на мир выдающегося шотландца Томми Дюара. Остроумие и афористичность его высказываний — дюаризмов — стали камертоном, позволяющим объединить различных авторов в одной серии.

Томми Дюар — открывший миру виски Dewar's — отменно разбирался не только в бизнесе. Потомкам этот человек запомнился как интеллеktуал, ценивший умного собеседника... и книгу — воплощение идеального собеседника. В своем лондонском особняке сэр Томас Дюар устраивал дружеские вечера, главными героями которых становились наиболее интересные новинки литературы. На рубеже XIX–XX веков джентльмены собирались для того, чтобы насладиться остроумной беседой, мудрой книгой и изысканным виски. Эта почтенная традиция нашла продолжение и в России наших дней в виде проекта «Dewar's Чтения» и книжной серии «Чтения Дюаристов». Самостоятельность мысли, свобода от навязанных шаблонов и догм — отличительные черты дюаристов, сторонников и последователей философии Томми Дюара, где бы они ни жили и на каком бы языке ни разговаривали. Серия «Чтения Дюаристов» может стать еще одной платформой, объединяющей единомышленников.

Mark Twain

THE INNOCENTS ABROAD

or The New
Pilgrims' Progress

ЧТЕНИЯ ДЮАРИСТОВ

Марк Твен

ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ,
или Путь новых
паломников

Москва
2012

УДК 821.111(73)

ББК 84(7)-44

T26

Переводчики Ирина Гурова, Раиса Облонская

Твен М.

T26 Простаки за границей, или Путь новых паломников / Марк Твен. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 582 с. — (Серия «Чтения Дюаристов»).

ISBN 978-5-91671-176-9

Именно с «Простаков за границей» началась литературная карьера знаменитого американского писателя Марка Твена. Полгода молодой журналист провел на борту парохода «Квакер-Сити» в компании соотечественников, совершавших «увеселительную поездку по Европе и Святой Земле». Они побывали в Марокко, Венеции, Риме, Париже, Иерусалиме, Одессе, дважды пересекли Атлантический океан и живые и невредимые сошли на берег в нью-йоркском порту. Эта ироничная, остроумная и чрезвычайно познавательная история о путешествии американцев по Старому Свету покорила читателей и разошлась огромным тиражом. А сам Марк Твен, впервые попробовавший себя в жанре путевых заметок, пришел к выводу, что «тот, кто весь век прозябает в одном каком-нибудь уголке мира, никогда не научится терпимости, не сумеет широко и здраво смотреть на жизнь». Спустя почти сто пятьдесят лет после выхода его книги с ним сложно не согласиться.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7)-44

**Издание подготовлено при поддержке
ООО «Бакарди Рус»**

ISBN 978-5-91671-079-3

(Серия «Чтения Дюаристов»)

ISBN 978-5-91671-176-9

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I	10
Глава II	19
Глава III	23
Глава IV	27
Глава V	35
Глава VI	41
Глава VII	48
Глава VIII	61
Глава IX	67
Глава X	73
Глава XI	81
Глава XII	86
Глава XIII	98
Глава XIV	109

Марк Твен

Глава XV	116
Глава XVI	129
Глава XVII.....	134
Глава XVIII	144
Глава XIX	152
Глава XX	167
Глава XXI	174
Глава XXII.....	183
Глава XXIII	194
Глава XXIV	208
Глава XXV.....	217
Глава XXVI	227
Глава XXVII.....	246

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I.....	260
Глава II	269
Глава III	275
Глава IV.....	285
Глава V	293
Глава VI.....	307
Глава VII.....	318

Глава VIII	331
Глава IX.....	336
Глава X	339
Глава XI.....	351
Глава XII.....	359
Глава XIII	364
Глава XIV	374
Глава XV	381
Глава XVI	387
Глава XVII.....	394
Глава XVIII	405
Глава XIX	417
Глава XX.....	426
Глава XXI	440
Глава XXII.....	450
Глава XXIII	461
Глава XXIV	471
Глава XXV.....	484
Глава XXVI	490
Глава XXVII.....	505
Глава XXVIII	516

Марк Твен

Глава XXIX	534
Глава XXX	539
Глава XXXI	547
Глава XXXII	562
Глава XXXIII	569

Предисловие

В этой книге рассказывается об увеселительном путешествии. Если бы она была рассказом о настоящей научной экспедиции, она обладала бы той серьезностью, тем глубокомыслием и той внушительной неудобочитаемостью, которые приличествуют такого рода трудам и делают их столь увлекательными. Но, хотя это всего только рассказ об увеселительной поездке, у него тоже есть своя цель: показать читателю, какими он увидел бы Европу и Восток, если бы глядел на них своими собственными глазами, а не глазами тех, кто побывал там до него. Я не пытаюсь указывать, как следует смотреть на заморские достопримечательности — об этом написаны другие книги, и даже обладай я необходимыми знаниями, мне незачем было бы повторять то, что уже сделано.

Я не намерен оправдываться, если меня обвинят в отступлении от стиля, принятого для описаний путешествий, так как полагаю, что глядел на все беспристрастными глазами, и убежден, что, во всяком случае, писал честно, а мудро или нет — это другой вопрос.

В этой книге я использовал отрывки из моих корреспонденций для «Дейли Альта Калифорния» (Сан-Франциско), владельцы которой любезно дали мне на то соответствующее разрешение. Я использовал также отрывки из нескольких корреспонденций, написанных для нью-йоркской «Трибюн» и нью-йоркского «Геральда».

*Автор,
Сан-Франциско*

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

Всеобщие разговоры о поездке. – Программа путешествия. – Становлюсь полноправным членом экспедиции. – Дезертирующие знаменитости.

В течение многих месяцев пресловутая «Увеселительная поездка по Европе и Святой Земле» не сходила со страниц газет по всей Америке и обсуждалась у бесчисленных домашних очагов. Эта увеселительная поездка была новинкой — ничего подобного прежде не изобреталось, — и она вызывала тот горячий интерес, который всегда внушают заманчивые новинки. Она была задумана как пикник гигантских масштабов. Ее участникам — вместо того чтобы нагрузить грязный пароходишко юностью, красотой, пирогами и пышками, проплыть по какой-нибудь безвестной речке, высадиться на зеленом лужке и мучиться, трудолюбиво резвясь весь долгий летний день в уверенности, что это весело, — предстояло под гром пушечного салюта отплыть на громадном океанском судне с развевающимися вымпелами и превосходно провести время по ту сторону широкой Атлантики, под незнакомыми небесами, в странах, прославленных историей! Многие месяцы они будут плыть по оваянному ветрами океану и залитому солнцем Средиземному морю; днем они будут бродить по палубам, оглашая корабль веселыми криками и смехом, или читать романы и стихи в тени пароходной трубы, или, перегнувшись через борт, разглядывать медуз и наутилусов, акул, китов и про-

чих чудищ подводных глубин, а вечером танцевать на верхней палубе в центре бального зала, протянувшегося от горизонта до горизонта под синим куполом небес, зала, освещенного такими люстрами, как звезды и великолепная луна, — танцевать, и прогуливаться, и курить, и петь, и влюбляться, и искать на небе созвездия, не похожие на Большую Медведицу, которая им так надоела; они увидят суда двадцати флагов, обычаи и одеяния двадцати незнакомых народов, славнейшие города половины мира; они будут якшаться со знатью и вести дружеские беседы с королями и принцами, с Великими Моголами и державными владыками могучих империй!

Это была смелая мысль, рожденная изобретательным умом. Ее широко рекламировали, но она не нуждалась в рекламе; смелая оригинальность, необычность, соблазнительность и грандиозность этого предприятия породили множество разговоров, и об «Увеселительной поездке» узнали по всей стране. Прочитав проспект путешествия, невозможно было не проникнуться желанием принять в нем участие. Я приведу здесь этот проспект. Он ничем не хуже карты. Что может послужить лучшим вступлением к моей книге, чем:

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ, ЕГИПЕТ, КРЫМ,
ГРЕЦИЮ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ПУНКТЫ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ИНТЕРЕС

Бруклин, 1 февраля 1867 г.

Нижеподписавшийся намеревается летом текущего года совершить вышеуказанное путешествие и просит разрешения ознакомить вас со следующей программой.

Тщательно выбранный первоклассный пароход (под командой нижеподписавшегося), рассчитанный по меньшей мере на сто пятьдесят пассажиров первого класса, примет на борт избранное общество, числом не превышающее трех четвертей его вместимости. Вполне вероятно, что все билеты окажутся

распроданными на месте, и таким образом общество на корабле будет состоять из ваших друзей и знакомых.

Пароход будет обеспечен всеми удобствами, включая библиотеку и музыкальные инструменты.

На борту будет опытный врач.

Отплытие из Нью-Йорка около 1 июня; после примерно десятидневного перехода наиболее удобным из трансатлантических путей мы, достигнув Азорских островов, остановимся на Сан-Мигеле, где пассажиры проведут один-два дня, наслаждаясь фруктами и дикой природой; затем новый трех-четырёхдневный переход — и остановка в Гибралтаре.

Один-два дня будут посвящены осмотру интереснейших подземных укреплений, — получить разрешение посетить эти подземные галереи не составит труда.

Из Гибралтара — трёхдневный переход в Марсель вдоль берегов Испании и Франции. У пассажиров будет достаточно времени не только для осмотра города, основанного за шестьсот лет до Рождества Христова, и его искусственной гавани — лучшей искусственной гавани в Средиземноморье, но и для посещения Парижа во время Выставки, а также — по дороге туда — прекрасного города Лиона, с высот которого в погожий день ясно видны Монблан и Альпы. Желающие могут задержаться в Париже и, проехав через Швейцарию, присоединиться к остальным в Генуе.

От Марселя до Генуи — одна ночь пути. Путешественники будут иметь возможность осмотреть этот «великолепный город дворцов» и посетить место рождения Колумба (двенадцать миль по чудесной дороге, построенной Наполеоном I). Из Генуи можно совершить экскурсии по маршрутам Милан — озеро Комо и Лаго Маджоре, или Милан — Верона (знаменита своими замечательными укреплениями) — Падуа — Венеция. Если кто-либо из пассажиров пожелает посетить Парму (знаменитую фресками Корреджо) и Болонью, он сможет проехать дальше по железной дороге во Флоренцию и вернуться на па-

роход в Ливорно, проведя, таким образом, около трех недель в итальянских городах, где хранятся наиболее прославленные сокровища искусства.

Путь вдоль берега от Генуи до Ливорно будет проделан за одну ночь, и продолжительная остановка в последнем пункте позволит посетить Флоренцию, ее дворцы и картинные галереи; Пизу, ее собор и «Падающую башню»; Лукку, ее бани и римский амфитеатр; самый отдаленный из этих городов — Флоренция — находится только в шестидесяти милях от Ливорно по железной дороге.

Расстояние от Ливорно до Неаполя (с заходом в Чивита-Веккию, чтобы высадить тех, кто пожелает отправиться оттуда в Рим) будет пройдено примерно за тридцать шесть часов; корабль будет следовать вдоль итальянского берега, мимо Капреры, Эльбы и Корсики. В Ливорно предполагается взять лоцмана на Капреру и — если удастся — зайти туда, чтобы посетить дом Гарибальди.

Пассажиры смогут посетить Рим (отправившись туда поездом), Геркуланум, Помпею, Везувий, могилу Вергилия и, возможно, развалины Пестума, а также красивейшие окрестности Неаполя и его прелестный залив.

Следующей интересной остановкой будет Палермо, самый красивый город Сицилии, находящийся на расстоянии одной ночи пути от Неаполя. Стоянка продлится день, и вечером пароход возьмет курс на Афины.

Мы обогнем северный берег Сицилии, пройдем через группу Эолийских островов в виду Стромболи и Вулькано — двух действующих вулканов, — через Мессинский пролив, имея справа «Сциллу», а слева «Харибду», затем пойдем вдоль восточного берега Сицилии в виду Этны, вдоль южных берегов Италии, западного и южного побережья Греции, в виду древнего Крита, по Афинскому заливу в Пирей, и прибудем в Афины через два с половиной — три дня. После короткой остановки мы пересечем Саламинскую бухту и посвятим один

день осмотру Коринфа, откуда через Архипелаг, Дарданеллы, Мраморное море и Золотой Рог продолжим путь на Константинополь, где будем через сорок восемь часов после отплытия из Афин.

По выходе из Константинополя курс будет взят через несравненный Босфор и Черное море на Севастополь и Балаклаву, — переход займет около суток. Здесь предполагается задержаться на два дня и осмотреть порты, укрепления и поля сражений в Крыму, затем пароход пойдет через Босфор с заходом в Константинополь за теми, кто предпочтет остаться там, и далее через Мраморное море и Дарданеллы вдоль берегов Азии, мимо древней Трои и Лидии в Смирну, лежащую на расстоянии двух — двух с половиной дней пути от Константинополя. Длительная стоянка в Смирне даст возможность посетить Эфес (пятьдесят миль по железной дороге).

От Смирны — к Святой Земле через Архипелаг, мимо острова Патмос, вдоль берегов Азии, древней Памфилии и острова Кипр. Через три дня пароход прибудет в Бейрут, где простоят достаточно времени, чтобы желающие могли посетить Дамаск, после чего отплывет в Яффу.

Стоянка в Яффе даст возможность посетить Иерусалим, Иордан, Тивериадское озеро, Назарет, Вифанию, Вифлеем и другие достопримечательные места Святой Земли, и там же на пароход вернутся те, кто решит совершить сухопутное путешествие из Бейрута через Дамаск, Галилею, Капернаум, Самарию, по Иордану и Тивериадскому озеру.

Следующей стоянкой, представляющей интерес, будет Александрия, находящаяся на расстоянии суток пути от Яффы. Развалины дворца Цезаря, Колонна Помпея, Игла Клеопатры, катакомбы и развалины древней Александрии достойны того, чтобы их осмотреть. Оттуда по железной дороге можно за несколько часов проехать сто тридцать миль до Каира и осмотреть в его окрестностях житницы Иосифа, пирамиды и местоположение древнего Мемфиса.

Из Александрии будет взят курс домой с заходом на Мальту, в Кальяри (Сардиния) и Пальму (Мальорка) — великолепные порты, очаровательно расположенные и изобилующие фруктами.

В каждом из них будет сделана остановка на один-два дня, и, выйдя из Пальмы вечером, пароход к утру достигнет Валенсии в Испании. Стоянка в этом прекраснейшем из испанских городов продлится несколько дней.

Из Валенсии пароход проследует дальше обратным курсом, огибая берега Испании. Мы пройдем на расстоянии одной-двух миль мимо Аликанте, Картахены, Палоса и Малаги и через сутки прибудем в Гибралтар.

Стоянка там продлится один день, и затем мы возьмем курс на Мадейру, которая будет достигнута через три дня. Капитан Марриэт пишет: «Я не знаю другого места на земном шаре, которое так изумляло и восхищало бы новоприбывшего, как Мадейра». Стоянка на Мадейре продлится один-два дня или дольше, если позволит время; затем, пройдя между островами этой группы и, возможно, в виду пика Тенериф, пароход пойдет южным трансатлантическим путем, пересекая океан в области северо-восточных пассатов, где всегда можно рассчитывать на тихую, мягкую погоду и спокойное море.

Зайдя на Бермудские острова, которые расположены непосредственно на этом пути на расстоянии десяти дней плавания от Мадейры, и проведя некоторое время с нашими друзьями бермудцами, мы возьмем курс прямо домой и будем в Нью-Йорке через три дня.

Уже поступают просьбы от лиц, находящихся в Европе и желающих присоединиться к экскурсии в пути.

Пароход будет уютным домом, где путешественники в случае болезни всегда найдут заботливый уход и добрых друзей.

Если в одном из перечисленных в проспекте портов окажется эпидемия, пароход в него заходить не будет и вместо этого посетит какое-нибудь другое, не менее интересное место.

Стоимость билета устанавливается в 1250 долларов банкнотами за каждого взрослого пассажира. Выбор каюты и места за столом предоставляется в порядке записи на билет. Запись считается состоявшейся с момента внесения казначею аванса в размере десяти процентов общей стоимости билета.

По прибытии в порт пассажиры могут оставаться на судне без дополнительной оплаты; перевозка на берег входит в общую стоимость билета.

Оплата билета должна производиться не позже его получения: это позволит наилучшим образом закончить приготовления к отплытию в назначенный срок.

Отбор кандидатов производится комитетом по выдаче билетов, с заказами на которые можно обращаться к нижеподписавшемуся.

Редкости и сувениры, приобретенные пассажирами во время путешествия, перевозятся на родину без дополнительной оплаты.

Пять долларов золотом в день несомненно покроют все расходы как во время коротких сухопутных экскурсий, так и в тех случаях, когда пассажиры пожелают покинуть корабль на более долгий срок.

Время путешествия может быть продлено, а маршрут изменен единогласным решением всех пассажиров.

*Чарльз Ч. Дункан 117,
Уолл-стрит, Нью-Йорк*

Р. Р. Г..., казначей.

Комитет по отбору кандидатов

Дж. Т. Х..., эскв., Р. Р. Г..., эскв., Ч. Ч. Дункан.

Комитет по выбору судна

Кап. У. У. С..., инспектор страхового общества,
К. У. К..., инженер-консультант США и Канады,
Дж. Т. Х..., эскв.,
Ч. Ч. Дункан.

Примечание. Для этого плавания зафрахтован «Квакер-Сити», очень красивый прочный пароход с бортовыми колесами, отходящий из нью-йоркского порта 8 июня. От правительства получены рекомендательные письма к заграничным властям.

Человеческий разум не мог бы найти в этом проспекте ни одного пробела. Он был совершенен и неотразим. Париж, Англия, Шотландия, Швейцария, Италия — Гарибальди! Архипелаг! Везувий! Константинополь! Смирна! Святая Земля! Египет и «наши друзья бермудцы»! Путешественники в Европе, желающие присоединиться к экскурсии, гарантия от эпидемий, перевозка на берег в счет стоимости билета, врач на борту, кругосветное путешествие, если пассажиры единодушно этого пожелают, общество, отобранное безжалостным «Комитетом по отбору кандидатов», пароход, выбранный не менее безжалостным «Комитетом по выбору судна». Кто устоял бы против таких неслыханных соблазнов? Я кинулся в контору казначея и внес положенные десять процентов. Я возликовал, узнав, что несколько отдельных кают еще свободны. Безжалостный комитет не проявил большого интереса к моей личности, но на всякий случай я сослался на всех видных людей моего города, каких только мог припомнить, выбирая по возможности тех, кто ничего обо мне не знал.

Вскоре появилось приложение к «Проспекту», гласившее, что пассажиры будут пользоваться «Плимутским сборником гимнов». Тут я внес остальные деньги.

Я получил квитанцию и был по всем правилам официально зачислен в участники путешествия. Я был счастлив, но даже это счастье меркло перед новым ощущением: я принадлежу к «избранным»!

Кроме того, приложение рекомендовало путешественникам запастись портативными музыкальными инструментами для развлечения во время плавания, седлами для поездки по Сирии, зелеными очками и зонтиками; вуалями для Египта;

прочной одеждой, способной выдержать тяготы паломничества по Святой Земле. Далее указывалось, что, хотя судовая библиотека содержит много книг, каждому пассажиру следует запастись несколькими путеводителями, Библией и каким-нибудь руководством для туристов. В рекомендательном списке большинство книг оказались посвященными Святой Земле, поскольку Святая Земля входила в программу путешествия и, судя по всему, была ее гвоздем.

Преподобный Генри Уорд Бичер намеревался сопровождать экспедицию, но неотложные дела заставили его отказаться от этой мысли. Нам было бы гораздо легче и приятнее обойтись без общества некоторых других пассажиров. Предполагалось, что генерал-лейтенант Шерман также присоединится к нам, но война с индейцами вынудила его отправиться в прерию. Известная актриса внесла свое имя в списки пассажиров, но что-то ей помешало, и она тоже не поехала. «Барабанщик с Потомака» дезертировал из наших рядов, и мы — увьи! — остались без единой знаменитости!

Однако морское министерство собиралось предоставить нам «батарею пушек» (как и обещал проспект) для ответов на салюты королей, и в нашем распоряжении оставалось письмо, подписанное морским министром, которое должно было сделать «генерала Шермана и его друзей» желанными гостями при дворах и штаб-квартирах Старого Света, но мне кажется, что и письмо и батарея несколько утратили свой первоначальный блеск. Однако разве мы лишились соблазнительной программы, обещавшей Париж, Константинополь, Смирну, Иерусалим, Иерихон и «наших друзей бермудцев»? Остальное нас мало трогало.

Глава II

Великие приготовления. – Высокий сановник. – Исход в Европу. – Мнение мистера Блюхера. – Каюта №10. – Сбор всех частей. – Наконец-то в море.

В течение последующего месяца я время от времени отправлялся на Уолл-стрит, в дом № 117, чтобы осведомиться, как идет ремонт и отделка корабля, как пополняется список пассажиров, сколько человек комитет ежедневно объявляет недостаточно «избранными», обрекая их на изгнание и черное отчаяние. Я с удовлетворением узнал, что у нас на борту будет небольшой печатный станок и мы сможем выпускать собственную ежедневную газету. Я с радостью выяснил, что наше фортепьяно, наша фисгармония и наш мелодикон будут лучшими из имеющихся в продаже. Я с гордостью обнаружил среди наших пассажиров трех проповедников слова Божьего, восемь врачей, семнадцать дам, нескольких высокопоставленных армейских и морских офицеров с громкими званиями, обильный улов всевозможных «профессоров», а также господина, за чьей фамилией единым духом грохотало устрашающее: «полномочный представитель Соединенных Штатов Америки в Европе, Азии и Африке»! Я заранее старательно приучил себя к мысли, что на этом корабле буду отодвинут на задний план, так как только избранным из избранных удастся пройти сквозь верблюжье ушко пресловутого комитета по проверке верительных грамот; я собрал все свое мужество, готовясь встретить внушительный набор героев армии и флота и, быть может, отодвинуться еще дальше назад, но признаюсь откровенно — *такой* удар застал меня врасплох.

Это лавиноподобное звание раздавило и обескуражило меня. Я сказал, что раз уж эта владетельная особа едет на нашем пароходе, то ничего не поделаешь — пусть едет, но если уж Соединенные Штаты сочли необходимым отправить

за океан сановника такого тоннажа, по моему мнению, было бы пристойнее, да и безопаснее, разобрать его на составные части и переслать партиями на нескольких судах.

Ах, если бы только я знал тогда, что он всего лишь обыкновенный смертный и что его полномочия исчерпываются сбором семян, редких сортов ямса, необыкновенной капусты и необычных экземпляров лягушек-быков для этой жалкой, бесполезной, пустоголовой, заплесневелой окаменелости — Смитсоновского института, какое бы облегчение я почувствовал!

Весь этот незабываемый месяц я купался в блаженстве, впервые в жизни ощущая себя на гребне великого общественного движения. Все ехали в Европу — я тоже ехал в Европу. Все ехали на знаменитую Парижскую выставку — я тоже ехал на знаменитую Парижскую выставку. В те дни пароходные линии вывозили из различных портов Соединенных Штатов в общей сложности около пяти тысяч американцев в неделю. Если за этот месяц мне и довелось встретить десяток знакомых, не уезжающих на днях в Европу, то у меня об этом не сохранилось ясных воспоминаний. Я довольно часто гулял по городу с юным мистером Блюхером, одним из участников нашей экспедиции. Он был человеком доверчивым, бесхитростным и общительным, но не из тех, кто хватается звезды с неба. У него сложилось самое невероятное представление об этом всеобщем исходе в Европу, и в конце концов он решил, что все население Америки укладывает чемоданы, собираясь эмигрировать во Францию. Как-то, проходя по Бродвею, мы с ним зашли в магазин; он купил носовой платок, и когда у хозяина не нашлось сдачи, мистер Блюхер сказал:

— Ничего, я заплачусь с вами в Париже.

— Но я не еду в Париж.

— Вы не... как вы сказали?

— Я сказал, что я не еду в Париж.

— Не едете в Париж? Не еде... так куда же, в таком случае, вы едете?

— Никуда.

— Совсем, совсем никуда? Никуда не едете, остаетесь здесь?

— Никуда не еду, остаюсь здесь — на все лето.

Мой спутник, не сказав больше ни слова, взял свою покупку и с обиженным видом вышел из магазина. Пройдя полквартиры, он нарушил молчание категорическим заявлением:

— Хотите знать мое мнение? Он врет!

В назначенный срок пароход был готов к приему пассажиров. Меня познакомили с молодым джентльменом — моим будущим соседом по каюте; он оказался удивительно милым человеком, умным, веселым, внимательным, терпеливым, уступчивым и великодушным. Никто из пассажиров «Квакер-Сити» не откажется поставить свою подпись под вышесказанным. Мы выбрали носовую каюту по правому борту на нижней палубе. В ней были две койки, тусклый, наглухо задраенный иллюминатор, умывальник с тазиком и пышно убранный подушками большой ящик, который должен был служить нам одновременно и диваном и вместилищем для наших вещей. Несмотря на всю эту мебель, там можно было свободно повернуться, хотя для того, чтобы вертеть за хвост кошку, не повредив ее, места уже не хватило бы. Однако для каюты это помещение было достаточно велико и вполне нас удовлетворило.

Отплытие было назначено на одну из суббот в начале июня.

Вскоре после полудня в эту историческую субботу я прибыл в гавань и поднялся на борт. Кругом царил шум и суета. (Мне где-то уже приходилось встречать эту фразу.) Пристань была забита людьми и экипажами; прибывающие пассажиры торопливо поднимались по сходням; палубы парохода были завалены сундуками и чемоданами; путешественники в невзрачных дорожных костюмах бродили под мелким дождем, своим облезлым и печальным видом напоминая мокрых кур. Наш гордый флаг был поднят, но, поддавшись общему настро-

ению, грустно свисал с мачты. В общем, невыразимо унылое зрелище! Это была увеселительная поездка — никаких сомнений возникнуть не могло, поскольку так говорилось в проспекте и так значилось в квитанции; но кругом не было видно ничего веселого.

Наконец, перекрывая грохот, лязг, шипение пара и крики, прогремела команда: «Отдать концы!» Внезапная толчея на сходнях, беспорядочное бегство провожающих, оборот колес — и мы отплываем: пикник начался! Вымокшая толпа на пристани негромко прокричала два раза «ура», мы вполголоса ответили со скользких палуб; флаг попробовал развеяться, но у него ничего не получилось; «батарея пушек» промолчала — не было пороха.

Мы приблизились к выходу из гавани и стали на якорь. По-прежнему моросил дождь. Кроме того, бушевал ветер. В открытом море, как мы сами могли видеть, ходили гигантские волны. Нам предстояло пережить в тихой гавани, пока буря не уляжется. Пассажиры нашего парохода съехались из пятнадцати штатов, и только немногим из них приходилось плавать по морю раньше, — нельзя же было подвергать их ударам настоящей бури, пока они еще не обрели «морских ног». К вечеру два буксира, на которых веселая компания нью-йоркской молодежи пила шампанское, провожая кого-то из наших спутников согласно всем древним канонам, вернулись в порт, и мы остались одни над пучиной морской. Над пучиной глубиной в тридцать футов, на дно которой был опущен наш якорь. И к тому же под хмурым дождем. Это была поистине увеселительная поездка.

Гонг, созывавший на молитву, был встречен вздохом облегчения. Первый субботний вечер всякой другой увеселительной прогулки можно было бы посвятить висту и танцам, но, я думаю, всякий непредубежденный человек согласится, что нам, принимая во внимание все перенесенное и то состояние духа, в котором мы находились, не приличествовали такие легкомысленные забавы. Мы украсили бы любые похороны, но для более веселых торжеств не годились.

Однако море всегда действует на людей благотворно; и ночью, устроившись на койке, укачиваемый мерным движением волн, убаюкиваемый ропотом отдаленного прибоя, я скоро погрузился в безмятежное забытие, в котором исчезли и воспоминания о перенесенных в этот день невзгодах и зловещие предчувствия.

Глава III

«Оценка» пассажиров. — «По синему, синему морю». — Бедствующие патриархи. — Поиски развлечений и препятствия на пути к ним. — Пять капитанов корабля.

Все воскресенье простояли на якоре. Ветер за ночь утих, но океан не успокоился. Мы ясно видели в бинокль, как он продолжал вздымать свои пеннстые горы. Начинать увеселительную прогулку в воскресенье не подобало; не подобало возлагать наши неопытные желудки на алтарь столь грозного волнения. Приходилось ждать понедельника. И мы стали ждать. Но мы прослушали положенное число воскресных молитв и, таким образом, ничего не потеряли оттого, что были здесь, а не где-нибудь еще.

В это воскресное утро я встал пораньше и сразу же отправился завтракать. Само собой разумеется, мне хотелось внимательно и беспристрастно рассмотреть своих спутников в те минуты, когда их поведение наиболее естественно, — а если люди когда-нибудь и ведут себя естественно, то только за завтраком.

Меня страшно удивило большое число пожилых людей, можно даже сказать — почтенных старцев. При беглом взгляде на длинный ряд склоненных голов они все казались седовласыми. Но это было не так. На самом деле за столом оказалось немало молодежи и изрядное количество джентльменов и дам

неопределенного возраста — не очень старых, но и не слишком молодых.

На следующий день мы подняли якорь и вышли в море. После долгой, нудной задержки это было большим счастьем. Мне казалось, что никогда еще воздух не был так упоителен, солнце так ярко, море так красиво. В эту минуту я был доволен пикником и всем, что ему сопутствовало. Все дурные инстинкты во мне умерли, и вместо них, пока Америка таяла на горизонте, в моей душе росло благоволение, столь же безграничное — по крайней мере в ту минуту, — как широкий океан, кативший вокруг нас свои волны. Я жаждал излить свои чувства, я жаждал разжать уста и запеть, — но не вспомнил ничего подходящего, и мне пришлось отказать от этой мысли. Возможно, потеря для обитателей корабля была не так уж велика.

Дул легкий, приятный ветерок, но море было еще очень беспокойно. Гуляя по палубе, вы рисковали сломать шею; бугшприт то брал на мушку стоящее в зените солнце, то пытался загарпунить акулу на дне океана. Какое жуткое ощущение охватывает вас, когда корма парохода стремительно уходит из-под ног, а нос карабкается в облака! Безопаснее всего в подобный день вцепиться в перила и не выпускать их; расхаживать по кораблю — слишком рискованное занятие.

По какой-то счастливой случайности я не поддался морской болезни. Этим можно было гордиться. Прежде она частенько одолевала меня. Человек, желудок которого ведет себя хорошо в первый день плавания, когда большинство пассажиров страдает морской болезнью, непременно проникается глубоким и невыносимым самодовольством. Вскоре в дверях кормовой каюты показалась почтенная окаменелость, закутанная до подбородка в плед и вся перебинтованная, словно мумия; очередной толчок корабля бросил ее в мои объятия. Я сказал:

— Доброе утро, сэр. Чудесная погода.

Он прижал руку к животу, простонал «ох!», шатаясь побрел куда-то и растянулся на решетчатой крышке люка.

Вскоре из той же двери с большой силой выбросило второго старца. Я сказал:

— Спокойнее, сэр, торопиться некуда. Чудесная погода, сэр.

Он тоже прижал руку к животу, простонал «ох!» и куда-то заковылял.

Через минуту та же дверь извергла нового патриарха, который тщетно пытался уцепиться за воздух. Я сказал:

— Доброе утро, сэр. Чудесная погода для прогулки. Вы, кажется, хотели сказать...

— Ох!

Ничего другого я от него и не ждал. Я остался у двери, и на меня в течение часа так и сыпались почтенные старцы; но ничего, кроме «ох!», я от них добиться не сумел.

Затем я удалился в глубокой задумчивости. Я сказал себе, что эта увеселительная поездка очень удачна и мне нравится. Пассажиры не болтливы, но в то же время общительны. Мне нравятся эти старички, хотя, видимо, «ох!» их сильно мучает.

Я знал, что с ними. Они страдали морской болезнью. И я радовался этому. Мы все любим смотреть на тех, кто страдает морской болезнью, если сами чувствуем себя хорошо. Приятно играть в вист под яркими лампами каюты, когда снаружи бушует шторм; приятно гулять по юту в лунную ночь; приятно курить на овеваемом ветрами формарсе, если не побоишься туда забраться; но все это кажется жалким и пошлым в сравнении с блаженством, которое испытываешь при виде людей, терзаемых морской болезнью.

В течение дня я приобрел уйму сведений. Началось с того, что я карабкался по юту, когда корма парохода уходила в облака; я курил сигару и чувствовал себя вполне сносно. Вдруг кто-то крикнул:

— Послушайте, так не годится! Прочтите-ка вон ту надпись: «НА КОРМЕ НЕ КУРИТЬ!»

Это был капитан Дункан, глава экспедиции. Я, разумеется, отправился на нос. В одной из кают верхней палубы, позади лоцманской рубки, я заметил на столе длинную подзорную трубу и потянулся за ней — на горизонте виднелся корабль.

— Эй, эй, прочь руки! Вылезайте оттуда!

Я вылез оттуда и, понизив голос, спросил матроса, подметавшего палубу:

— Кто этот здоровенный пират с бакенбардами и скрипучим голосом?

— Это капитан Берсли — штурман.

Некоторое время я бесцельно слонялся по палубе, а потом, за неимением лучшего, начал резать перила перочинным ножом. Кто-то сказал ласково и назидательно:

— Ну послушайте, мой друг, и не стыдно вам вот так кромсать корабль? Уж вам-то это стыдно.

Я снова подошел к матросу.

— Что это за бритая образина в шикарном костюме?

— Капитан Л***, владелец нашего парохода, один из главных начальников.

Через некоторое время я очутился у правого борта и на скамье за лоцманской рубкой обнаружил секстант. Этой штукой ловят солнце, сказал я себе; наверное, через нее можно рассмотреть тот корабль. Не успел я поднести секстант к глазам, как какой-то человек тронул меня за плечо и с упреком сказал:

— Я вынужден просить вас вернуть мне прибор, сэр. Если вы захотите узнать, как ловят солнце, я с удовольствием объясню, но я не могу доверять секстант посторонним. Если вы хотите определить место... Иду, сэр!

Его позвали с левого борта, и он ушел туда. Я направился к матросу:

— Кто эта горилла с паучьими ножками и физиономией святоши?

— Капитан Джонс, сэр, — первый помощник.

— Так. Час от часу не легче. Скажите, — я обращаюсь к вам, как к человеку и брату, — скажите, могу ли я бросить здесь камень в любом заданном направлении и не попасть ни в одного из капитанов этого судна?

— Ну, сэр, трудно сказать. Пожалуй, угодите в вахтенного капитана, потому что вон он стоит — как раз на дороге.

Я покинул палубу с тяжелым сердцем, погрузившись в размышления. Если у семерых нянек дитя без глаза, думал я, то во что же могут превратить увеселительную поездку пять капитанов?

Глава IV

Жизнь паломников в море. — «Дневник» Джека. — Клуб. — «Пышный бал на палубе». — Шуточный процесс. — Благодетие паломников. — Штурман высказывает свое мнение.

В течение недели мы трудолюбиво разрезали волны, и за это время между капитанами не было никаких ведомственных тренировок, о которых стоило бы упомянуть. Пассажиры скоро приспособились к новой обстановке, и жизнь на корабле потекла размеренно и монотонно, словно в казарме. Я не хочу сказать, что она была скучна, отнюдь нет, но в ней было много однообразия. Пассажиры, как обычно бывает в плавании, вскоре нахватались морских терминов — верный признак того, что они уже начинают осваиваться. Половину седьмого утра эти паломники из Новой Англии, с Юга и с берегов Миссисипи стали называть «семь склянок»; восемь часов, двенадцать и четыре превратились в «восемь склянок»; капитан теперь определял долготу не в девять часов, а «когда било две склянки». Они бойко сыпали такими словами, как «кормовая рубка», «носовая рубка», «штирборт», «бак-борт» и «бак».

Когда било семь склянок, раздавался первый гонг; когда било восемь, пассажиры садились завтракать — те, кому позволяла морская болезнь. Затем все здоровые прогуливались рука об руку по верхней палубе, наслаждаясь ясным летним утром, а жертвы морской болезни тоже выползали наверх и, прячась от ветра за кожухом колеса, уныло пили чай с сухариками. Вид у них был самый несчастный. С одиннадцати часов до второго завтрака, а также между вторым завтраком и обедом (в шесть часов вечера) пассажиры предавались самым различным занятиям и развлечениям. Кое-кто читал, другие занимались шитьем и курением — разумеется, не одни и те же лица; можно было выискивать среди волн чудищ морских глубин и дивиться на них, рассматривать в бинокль встречные корабли и высказывать по их поводу мудрые суждения; более того, каждый считал своей священной обязанностью приглядеть за тем, чтобы флаг был поднят и трижды вежливо приспущен в ответ на приветствие незнакомца; в курительной несколько джентльменов непременно играли в карты, шашки и домино — чаще всего в домино, эту восхитительно безобидную игру; а внизу, на главной палубе в носовой части, по соседству с курятником и загоном для скота, мы устроили так называемый «лошадиный бильярд». Это прекрасная игра, требующая большой подвижности, веселая и азартная. Она похожа на «классы», а также на бильярд, и в нее играют клюшкой. На палубе мелом чертят большие «классы» и каждый квадрат нумеруют. Вы становитесь в трех-четыре шагах, кладете перед собой несколько плоских деревянных дисков и сильно бьете по ним длинной клюшкой. Если какой-нибудь диск остановится на черте, очки не засчитываются. Если же он остановится в седьмом квадрате, игроку засчитывается семь очков, в пятом — пять, и так далее. Надо набрать сто очков; играть можно вчетвером. На неподвижном полу играть было бы очень просто, но на корабле это становилось целой наукой. Нам приходилось учитывать бортовую качку. Очень часто игрок рассчитывал на крен вправо, а корабль вдруг не кренился. В резуль-

тате диск пролетал ярдах в двух от «классов», и тогда бывший чувствовал себя дураком, а остальные смеялись.

Когда шел дождь, пассажирам, разумеется, приходилось сидеть дома — точнее говоря, в каютах — и развлекаться играми, чтением, созерцанием давно знакомых волн за окном и пересудами.

К семи часам вечера заканчивался обед, затем следовала часовая прогулка по верхней палубе, после чего раздавался гонг, и большая часть общества отправлялась на богослужение в кормовую каюту (верхнюю) — прекрасный салон длиной футов в шестьдесят. Не озаренные светом духовным прозвали этот салон «синагогой». Служба, состоявшая из двух гимнов Плимутского сборника и короткой молитвы, обычно занимала не больше пятнадцати минут. Гимны исполнялись под аккомпанемент фисгармонии в тех случаях, когда море было достаточно спокойно и аккомпаниатора не приходилось предварительно привязывать к стулу.

По окончании молитвы синагога превращалась в нечто напоминающее класс, где школьники занимаются чистописанием. Ни один корабль не видывал доселе ничего подобного. Около тридцати дам и джентльменов усаживались за обеденные столы, тянувшиеся вдоль стен салона, и при свете качающихся ламп два-три часа прилежно писали свои дневники. Увы! Как грандиозно были задуманы эти дневники, и какой жалкий и бесславный конец ожидал большинство из них! Я сомневаюсь, найдется ли среди наших паломников хоть один, который не смог бы предъявить ста полных страниц дневника, посвященных первым двадцати дням плавания на «Квакер-Сити», и я абсолютно уверен, что не найдется и десяти таких, которые могли бы предъявить хотя бы двадцать страниц, повествующих об остальных двадцати тысячах миль путешествия! В жизни человека бывают периоды, когда он испытывает непреодолимую потребность вести точную запись своих деяний и он отдается этому труду с пылом, который порождает в нем уверенность,

что ведение дневника — самое правильное и самое приятное времяпрепровождение из всех возможных. Но если только он проживет еще двадцать один день, он убедится, что лишь редкие натуры, сотканые из смелости, выдержки, преданности долгу во имя долга и непоколебимой решимости, способны, быть может, не потерпеть поражения, взяв на себя столь грандиозный труд, как ведение дневника.

Один из наших всеобщих любимцев, Джек, замечательный юноша, обладатель головы, преисполненной здравого смысла, и пары ног, смотреть на которые просто удовольствие — такие они длинные, прямые и худощавые, — каждое утро, пылая восторгом и воодушевлением, сообщал нам о своих успехах и неизменно заканчивал так:

— Я недурственно продвинулся! (В хорошем настроении он иногда пользовался жаргоном.) За вчерашний день я написал десять страниц дневника, позавчера я написал девять, а позавчера — двенадцать. До чего же интересное занятие!

— Но что вы ухитряетесь туда записывать, Джек?

— Да все. Широту и долготу на каждый полдень; и сколько миль мы прошли за последние сутки; и все мои выигрыши в домино и в лошадиный бильярд, и китов, и акул, и дельфинов; и текст воскресной проповеди (потому что это произведет хорошее впечатление на домашних); и корабли, с которыми мы обменялись приветствиями, и их национальность; и направление ветра; и было ли волнение, и какие паруса мы несли, хотя мы чаще всего идем без всяких парусов — ветер все время встречный (интересно бы знать — почему?); и сколько раз соврали Моулт. Одним словом, все! Я все записываю. Этот дневник мне велел вести отец. Он и за тысячу долларов с ним не расстанется, когда я его закончу.

— Да, Джек, этот дневник будет стоить больше тысячи долларов, когда вы его закончите.

— Правда? Да нет, вы правда так думаете?